

УДК 343.85:81'42

«Лингвистический поворот» в системе правосудия: гуманизация языка в борьбе со стигматизацией и рецидивом (на примере США)

Наталья Владимировна Хисматулина

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
khisnatalya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-66809-0542

Аннотация

Введение. В условиях переосмысления результативности функционирования системы уголовного правосудия в США, направленного на поиск решений в снижении уровня массового заключения, борьбу с рецидивами и укрепление механизмов реинтеграции бывших заключенных, особую значимость приобретает анализ дискурсивных практик, в частности языка, используемого для описания лиц с пенитенциарным опытом. Традиционные дегуманизирующие термины («преступник», «заключенный», «осужденный») не являются нейтральными; они редуцируют личность человека до ее противоправного деяния, воспроизводя стигму и создавая труднопреодолимые барьеры на пути к ресоциализации. **Целью исследования** является системный анализ эволюции теории навешивания ярлыков, концепции стигматизации и практики гуманизации языка, выявление их взаимосвязи и практической значимости. **Методы исследования** включают в себя систематический анализ и критическую интерпретацию академической литературы, современных эмпирических исследований, активистских манифестов, а также метод триангуляции данных. **Основные результаты исследования** демонстрируют историческую трансформацию теории навешивания ярлыков от абстрактной концепции «девиантной идентичности» к эмпирически верифицируемым механизмам, таким как «ожидаемая стигма» и «мастер-статус» человека по стигматизирующему признаку. Показано, что гуманизация языка, реализованная на принципах человекоориентированного подхода, имеет не только этическое, но и научное обоснование, подтвержденное эмпирическими исследованиями. Переход к «уважительному» дискурсу выступает неотъемлемым условием для построения более справедливой, эффективной и гуманной системы правосудия.

Ключевые слова

теория навешивания ярлыков, стигматизация, девиантная идентичность, девиация, ожидаемая стигма, пенитенциарный опыт, социальная реинтеграция, рецидив, гуманизация языка

Для цитирования: Хисматулина, Н. В. (2026). «Лингвистический поворот» в системе правосудия: гуманизация языка в борьбе со стигматизацией и рецидивом (на примере США). *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 14–33.

Original paper

“Linguistic turn” in the justice system: humanising language in fighting stigma and recidivism (using the US as an example)

Natalya V. Khismatulina

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

khisnatalya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-66809-0542**Abstract**

Introduction. In the context of rethinking the effectiveness of the criminal justice system in the United States, aimed at finding ways of reducing mass incarceration, combating recidivism, and strengthening mechanisms for the reintegration of former prisoners, there is particular significance in analysing discursive practices, and in particular the language used for describing individuals with a penitentiary background. Traditional dehumanising terms (‘criminal’, ‘prisoner’, ‘convict’) are not neutral; they reduce human personality to a single unlawful act, reproducing stigma and creating difficult barriers to resocialisation. **The purpose of the research** is to provide a systematic analysis of the evolution of the labelling theory, the concept of stigmatisation, and the practice of humanising language, as well as to identify their correlation and practical significance. **The research methods** include systematic analysis and critical interpretation of academic literature, recent empirical studies, activist manifestos, as well as the method of data triangulation. **The main findings** of the research demonstrate the historical transformation of the labelling theory from the abstract concept of ‘deviant identity’ to empirically verified mechanisms such as ‘anticipated stigma’ and a person’s ‘master status’ based on a stigmatising characteristic. The effect of humanising language has been proved to be achieved on the basis of principles of a person-first approach with not only ethical but also scientific grounds, confirmed by empirical research. The shift to a respectful discourse is an essential condition for building a more equitable, effective, and humane justice system.

Keywords

labelling theory, stigmatisation, deviant identity, deviation, anticipated stigma, penitentiary background, social reintegration, recidivism, humanisation of language

For citation: Khismatulina, N. V. (2026). “Linguistic turn” in the justice system: humanising language in fighting stigma and recidivism (using the US as an example). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 14–33.

Когда нас не называют бешеными собаками, животными, хищниками и другими оскорбительными словами, нас называют заключенными, осужденными, арестантами и преступниками – все эти термины лишены человечности и идентифицируют нас, скорее, как «вещи», а не как людей... Мы просим всех прекратить использовать эти уничижительные термины и просто называть нас ЛЮДЬМИ. ЛЮДЬМИ, которые

в настоящее время или в прошлом отбывали свое наказание, ЛЮДЬМИ, находящимися на условно-досрочном освобождении, ЛЮДЬМИ, недавно освобожденными из тюрьмы, ЛЮДЬМИ с судимостью, но ЛЮДЬМИ¹.

Eddie Ellis

Введение

Актуальность исследования обусловлена глубоким кризисом систем правосудия, которые во многих странах мира демонстрируют неэффективность в снижении уровня рецидива и слабость механизмов ресоциализации людей с пенитенциарным опытом. В этом контексте эффективным видится переход от карательной модели к гуманистической, ориентированной на реабилитацию и социальную реинтеграцию. Одним из ключевых аспектов этой трансформации является анализ дискурсивных практик, в частности языка, используемого в отношении бывших заключенных в официальных документах, научных публикациях, средствах массовой информации и повседневной коммуникации. Традиционные термины «преступник», «осужденный», «бывший заключенный» и т. п. выполняют функцию не просто описания правового статуса человека, а постоянного напоминания о прошлом проступке, превращая человека в его деяние и лишая его человеческого достоинства. Такая дегуманизация напрямую препятствует успешной реинтеграции, активизируя стигму, способствуя маргинализации и социальной изоляции, что, в свою очередь, повышает риск повторного правонарушения.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе и синтезе теоретических, эмпирических, активистских источников, что позволяет проследить эволюцию идеи гуманизации языка. В отечественной науке данная тема исследована крайне фрагментарно, в то время как в англоязычном правовом и активистском сообществах она является предметом активной и плодотворной дискуссии нескольких последних десятилетий. Настоящее исследование систематизирует и переводит эти идеи в русскоязычный академический дискурс, сопоставляя их с фундаментальными правами человека и современными вызовами в области пенитенциарной системы.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении понимания взаимосвязи между языком и социальной идентичностью в контексте системы правосудия. Исследование способствует развитию криминологической науки, социолингвистики, философии права и социальной психологии, а именно в части осмысления механизмов формирования девиантной идентичности и стратегий совладания в отношении них. Оно также вносит вклад в оперирование такими абстрактными категориями, как «внутренняя/воспринимаемая стигма» и «ожидаемая стигма», переводя их в плоскость измеримых социальных и психологических процессов.

Практическая значимость обусловлена потенциалом данной статьи для разработки государственных программ реабилитации и реинтеграции, обучения сотрудников правоохранительных и пенитенциарных органов, формирования этических стандартов для СМИ, совершенствования законодательства, направленного на защиту прав лиц, отбывших наказание.

Проблема заключается в том, что, несмотря на существующие научные обоснования, данные эмпирических исследований и этические аргументы, дегуманизирующий язык

¹ Ellis, E. (2007). *An open letter to our friends on the question of language*. Center for NuLeadership on Urban Solutions. https://static1.squarespace.com/static/624def0f36d3686eb5ecc0f6/t/664981090c43a60377f756ef/1716093193147/Language+Letter+and+Overview_Center+NuLeadership_March+2023.pdf

продолжает доминировать в официальных, публичных и даже академических дискурсах: это создает устойчивую основу легитимации стигмы и подрывает усилия по реинтеграции.

Целью исследования являются анализ и систематизация знания в области эволюции теории ярлыков и практики гуманизации языка, а также обоснование их критической значимости для построения более справедливой, эффективной и гуманной системы правосудия. *Задачи исследования*: 1) проследить эволюцию теории навешивания ярлыков и стигмы от их истоков до современного состояния; 2) проанализировать эмпирические доказательства, подтверждающие влияние стигматизирующего дискурса на судьбу людей с пенитенциарным опытом; 3) обобщить и систематизировать принципы гуманизации языка; 4) привести и проанализировать конкретные примеры реализации этих принципов в реальных инициативах на уровне государства (на примере США), профессиональных сообществ, некоммерческих организаций, СМИ; 5) сформулировать практические рекомендации для различных заинтересованных лиц.

Методы исследования включают систематический анализ и критическую интерпретацию академической междисциплинарной литературы (из области криминологии, социологии, психологии, социолингвистики), современных эмпирических исследований, активистских манифестов, а также метод триангуляции данных, при котором выводы подтверждаются на основе различных источников и методов исследования. Логика изложения выстроена как историко-аналитическая, что позволяет продемонстрировать эволюцию идей от их истоков к современному состоянию.

Результаты. Теоретические основания, на которых позже будет выстроена теория ярлыков, были заложены Чикагской социологической школой символического интеракционизма, основоположник которой Г. Н. Mead утверждал, что «я» (*'self'*) формируется в процессе социального взаимодействия, а язык является первичным инструментом этого процесса: слова не просто описывают реальность, но и конструируют ее, вызывая у говорящего и слушающего одинаковые реакции и установки (Mead, 1913). Адептом этой теории в контексте девиантного поведения стал Ф. Tannenbaum. В своей работе «Преступность и общество» (Tannenbaum, 1951) он ввел ключевое понятие «драматизация зла» (от англ. *'Dramatization of Evil'*). Согласно взглядам ученого, преступление как акт девиантного поведения изначально является аморальным, но когда этот поступок попадает в зону внимания общества и подвергается официальному осуждению, он превращается в нечто более значимое – в «зло»: общество, порицая правонарушителя, не просто реагирует на его поступок, а словесно «помечает» его (от англ. *'tagging'* – «маркировка, мечение, добавление метки»), что приводит к восприятию человека исключительно как девианта. Именно этот процесс официальной реакции и ее демонстративного провозглашения, по Ф. Tannenbaum, способствует тому, что даже единичное противоправное деяние интерпретируется обществом как устойчивая девиантность, превращая пусть даже однажды оступившегося человека в истинного преступника без права на прощение.

Идеи Ф. Tannenbaum были развиты и систематизированы Н. Becker в теории навешивания ярлыков (от англ. *'Labelling Theory'*), изложенной им в ставшей уже классической работе «Аутсайдеры» (Becker, 1963). Н. Becker переформулировал положения о девиантности, сместив фокус с человека, совершившего нарушение, на социальные процессы, которые определяют, что является нарушением. Его знаменитое утверждение стало манифестом новой парадигмы: «Социальные группы создают девиантность, разрабатывая и применяя правила к тем, кого они считают нарушителями. От истинно девиантного поведения следует отличать поведение, которое люди таким образом обозначают» (Becker, 1963, p. 9). Таким образом, девиантность – не качество поступка, а результат социального процесса навешивания ярлыков: преступником становится тот, кого общество таким называет.

Е. Lemert внес ключевой вклад в развитие этой теории, разделив девиантное поведение на *первичное* (случайное, эпизодическое нарушение нормы, не отражающее самоидентичность человека) и *вторичное* (устойчивый образ жизни в качестве преступника, формирующийся в ответ на официальное наказание и общественное осуждение) (Lemert, 1951). Именно сам факт официального наказания (арест, суд, осуждение) становится решающим моментом, который превращает ситуативного нарушителя в «аутсайдера» комформного общества – в человека, чья идентичность теперь определяется исключительно его девиантным статусом, который воспринимается обществом, согласно Н. Becker, в качестве «мастер-статуса» (от англ. *'Master Status'*) – главной характеристики личности, затмевающей все остальные (Becker, 1963, p. 33). При этом присвоение девиантного ярлыка как мастер-статуса за человеком (закрепление восприятия его как преступника) на практике достигается без особых усилий: достаточно его обозначить таковым, и в коллективном сознании общества ему безапелляционно и обязательно в отрицательной коннотации начинает приписываться «совокупность всех черт, присущих любому, кто носит этот ярлык... Его считают неспособным вести себя как моральное существо» (Becker, 1963, p. 33–34). Как следствие, ярлык «преступник», который не просто описывает прошлое деяние, а является, по сути, так называемым самосбывающимся пророчеством, определяющим будущие поступки человека, становится причиной дальнейшей девиации и рецидива, а не средством их предотвращения (Сох, 2020).

Центральной категорией в данной теории является *стигма*, понятие которой было детально разработано и описано Е. Goffman в работе «Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью» (Goffman, 1963). Этимологические корни термина «стигма» уходят в Древнюю Грецию, где, как писал сам Е. Goffman, «те знаки, которые вырезались или выжигались на теле человека, указывали на то, что их носитель является рабом, преступником или предателем – запятнанным человеком, человеком с пороком, ритуально оскверненным, которого следует избегать» (Goffman, 1963, p. 1). В этом изначальном значении стигма была физическим, видимым клеймом, маркирующим «другого» в облегчении его «инаковости», «порочности» среди «полноценных», что определяло обязательность его социальной изоляции. Следует отметить, что практика физической стигматизации была распространена в разных странах на протяжении веков: 1) в Древнем мире рабам, пытавшимся бежать, ставили на лоб клеймо в виде буквы F (от лат. *'fugitivus'* – «беглый») (Bauman, 1996); 2) в Европе практика клеймения была официально закреплена в законодательстве: в Англии; согласно Закону о кражах 1828 г., буква T (от англ. *'theft'* – «кража») выжигалась на руке преступника, который впоследствии, несмотря на отбытое наказание, *навсегда* становился объектом публичного позора (Beattie, 1986, p. 65); во Франции до Французской революции преступникам, осужденным за серьезные преступления, но избежавшим смертной казни, ставили на плечо клеймо в виде буквы V (от франц. *'voleur'* – «вор») (Ariès, 1991, p. 421); 3) в Японии XVIII в. существовала практика клеймения на руке и лице «ирэдзуми», клейменные лица становились социальными изгоями (Naas, 2019, p. 4); 4) в колониальной Америке, заимствовавшей многие практики у Англии, клеймение также было распространено: в Массачусетсе в XVII в. за прелюбодеяние женщинам клеймили лоб буквой A (от англ. *'adultery'* – «прелюбодеяние»), что позже стало основой для знаменитого романа Н. Хоторна «Алая буква» (Hawthorne, 1878, p. 94); в Вирджинии за ложные обвинения клеймили буквой S (от англ. *'slander'* – «клевета»), а за кражу лошадей – H (от англ. *'horse'* – «лошадь»). Эта практика сохранялась в некоторых штатах вплоть до начала XIX в. (Radelet, 2017, p. 42); 5) в Российской империи практика клеймения раскаленным железом была введена Петром I – буква K выжигалась каторжникам, Б – беглым,

В – ворам и т. п. Эта мера была отменена только в 1863 г. в рамках судебной реформы Александра II как несовместимая с принципами гуманности².

Если в исторической перспективе стигматизация осуществлялась посредством физического клеймения тела, то в современном обществе ту же социальную функцию, что и выжженная на теле буква, стал выполнять язык: вербальный ярлык так же маркирует правонарушителя как «иного», создает видимую (в дискурсивном смысле) границу между «нормальными представителями социума» и «девиантными», позволяя сохранить и легитимировать социальную изоляцию последних, превращая их временный статус преступника в постоянный.

В разработке концепции стигмы Е. Goffman перенес физический маркер клейма в социальную плоскость, определив стигму как «отличительный признак, который является глубоко дискредитирующим», превращая носителя этого признака в «испорченного» в глазах общества. Стигматизированный человек обладает «испорченной идентичностью» (термин, введенный Е. Goffman, от англ. *'spoiled identity'*), не соответствует ожиданиям «нормального» мира, поскольку является «не таким, как все». С точки зрения Н. Becker и Е. Goffman, ярлык «преступник» или стигматизирующий маркер «судимость» *навсегда* стереотипно определяют человека в глазах общества как «опасного, ненадежного, агрессивного, непредсказуемого и бесчестного» (Clow, Ricciardelli & Cain, 2012; Hirschfield & Piquero, 2010; LeBel, 2012), лишая его возможности быть воспринятым как сложная, многогранная личность, хотя по своей природе подобные стигмы не являются свойствами личности; они принадлежат не ему, а социальному контексту (Bos et al., 2013, p. 1).

Интересно, что эффект «испорченной идентичности» (стигма по мастер-статусу бывшего заключенного) усиливается «стигмой по ассоциации» (от англ. *'stigma-by-association'*) – термин, введенный и описанный Е. Goffman, интерпретация которого была тщательно разработана К. Clow, R. Ricciardelli и Т. L. Cain (Clow, Ricciardelli & Cain, 2012). Согласно этой концепции стигма распространяется не только на носителя языка, но и на всех, кто с ним ассоциируется. Этот процесс можно описать через метафору «магического заражения» (от англ. *'magical contagion'*), введенную С. J. Nemeroff и Р. Rozin (Nemeroff, Rozin, 1994, 2000), когда физический контакт или даже ассоциация с «загрязненным» объектом (в данном случае с системой заключения или заключенными) переносит это «загрязнение» на ассоциируемого, делая его частью стигматизированной группы (Clow, Ricciardelli & Cain, 2012, p. 128). Подобный подход позволяет объяснить парадоксальный феномен: даже оправданные (от англ. *'exonerees'*) лица, чья невиновность была официально подтверждена, часто посредством неоспоримых доказательств, таких как ДНК-тест, продолжают восприниматься обществом как «испорченные» и потенциально опасные. Например, Кирку Бладсворту, первому человеку, оправданному и освобожденному из «камеры смерти» благодаря ДНК, до сих пор пишут на грузовике «убийца детей» (Westervelt & Cook, 2008). Даже при наличии неопровержимых доказательств, «презумпция вины» остается сильнее, чем презумпция невиновности, что свидетельствует о глубоко укоренившемся предубеждении.

Несмотря на свою теоретическую привлекательность, в 1970-х гг. теория ярлыков подвергалась серьезной критике, главным образом за недостаток эмпирических доказательств. Критики, в частности Ch. Tittle (Tittle, 1975), обвиняли ее в расплывчатости, упрощенчестве, идеологической ангажированности; утверждали, что теория является спекулятивной и не может объяснить, почему не все, кто подвергается официальному наказанию и последующему порицанию, становятся хроническими преступниками. Ключевой проблемой была абстрактность понятия «внутреннего усвоения» ярлыка. Как измерить процесс, при котором человек начинает

² Культурология.Ру. (2021, 7 февраля). Кого на Руси клеймили железом каленым и за что применялось такое наказание. <https://kulturologia.ru/blogs/070221/48964/>

видеть себя «преступником»? Подобные комментарии привели к временному спаду интереса к теории. Однако в 1980-х гг. исследователи, такие как R. Paternoster и L. Iovanni (Paternoster, Iovanni, 1989), убедительно продемонстрировали, что многие из этих критических замечаний были основаны на упрощенном понимании теории и методологически слабых исследованиях. Это стало отправной точкой для ее научной «реабилитации».

В последние десятилетия концепция стигмы была значительно расширена. В Модифицированной теории ярлыков (от англ. *'Modified Labeling Theory'*) B.G. Link и J.C. Phelan (Link & Phelan, 2001) сместили фокус с самого факта навешивания ярлыка на психологические процессы, которые он запускает у самого человека. Согласно этой модели, ключевым является не сам ярлык, а то, воспринимает ли индивид общественные стереотипы как *лично значимые* вследствие актуализации пяти взаимосвязанных компонентов-оснований стигмы: маркировки человеческих различий, связывания этих различий с негативными стереотипами, категоризации на «мы» и «они», потери статуса «полноценного члена общества» и определенной данным исходом дискриминации. Это восприятие ведет к *интериоризации стигмы* (от англ. *'internalized stigma'*) – внутреннему принятию негативных стереотипов («Общество считает преступников плохими людьми») и, что особенно важно, к собственному *ожиданию стигмы* (от англ. *'anticipated stigma'*) – глубокому убеждению человека в том, что в будущем он обязательно столкнется с отвержением, неравенством и ограничениями в доступе к ресурсам, возможностям, правам, необходимым для поддержания благополучия («Люди в моем обществе не примут меня») (Link & Phelan, 2001). Эта концептуальная дифференциация стала фундаментальной для современных исследований. Она позволила перейти от простой констатации факта ярлыка к анализу сложных психологических механизмов, лежащих в основе его влияния. Это, в свою очередь, открыло путь для проведения строгих эмпирических исследований, которые могли бы проверить гипотезы теории на реальных данных.

Исследование К. Е. Moore, J. В. Stuewig и J. P Tangney (Moore, Stuewig & Tangney, 2016) стало одним из первых в проверке гипотезы о том, что ожидаемая стигма выступает в роли опосредующего механизма между принятой в обществе стигмой и реальными показателями качества постпенитенциарной жизни бывших заключенных. Авторы провели лонгитюдное исследование с участием 163 заключенных, которые были опрошены незадолго до освобождения из тюрьмы на предмет степени согласия с общественной стигмой по отношению к правонарушителям (воспринимаемая стигма) и ожидания ее применения по отношению к ним после освобождения (ожидаемая стигма). Через год с ними связались повторно – на этом этапе оценивались ключевые области постпенитенциарного функционирования: рецидив, психическое здоровье, симптомы зависимости и так называемая комьюнити-адаптация (от англ. *'community adaptation'*) – ресоциализация, социальная реинтеграция. Значимыми результатами исследования стали следующие: 1. Ожидаемая стигма действительно опосредует связь между воспринимаемой стигмой и комьюнити-адаптацией: чем сильнее заключенный до освобождения верил, что общество стигматизирует преступников, тем сильнее он ожидал личного отвержения: более высокий уровень ожидаемой стигмы предreshал более низкий уровень ресоциализации через год после освобождения, но не затрагивал ни рецидив, ни симптомы зависимости, ни ухудшение психического здоровья. Эффект стигмы сработал именно в тех сферах жизни, где требуется активное взаимодействие с конвенциональным обществом. Как отмечают авторы, это может быть связано с феноменом «зачем пытаться?» (от англ. *'Why try? effect'*), описанным P. W. Corrigan, J. E. Larson и N. Rüsч (Corrigan, Larson & Rüsч, 2009): если человек ожидает отвержения, он может просто отказаться от попыток интегрироваться, не подавая заявления на работу, не пытаясь восстановить отношения с семьей и т. п. 2. Существует расовое различие в механизме стигматизации: эффект опосредования (воспринимаемая стигма → ожидаемая стигма →

дезадаптация) был признан статистически значимым только для белых осужденных; для афроамериканцев статистически подтвержденной взаимосвязи между ожидаемой стигмой и комьюнити-адаптацией обнаружено не было, что согласуется с гипотезой «закалки» (от англ. *'inoculation hypothesis'*), разработанной W. J. McGuire (McGuire, 1961), подразумевающей, что стигматизирующий ярлык оказывает низкое влияние на тех, у кого процесс социальной изоляции по иным причинам, чем тюремное заключение, уже завершен (Jensen, 2006). В логике Moore et al. «афроамериканцы, уже столкнувшиеся с видимой стигмой расы, могут быть "закалены, иметь своего рода иммунитет" от воздействия дополнительной стигмы (стигмы бывшего заключенного) и могут развить позитивные стратегии совладания, которыми белые осужденные с меньшей вероятностью смогут воспользоваться» (Moore, Stuewig & Tangney, 2016, p. 212). Данный вывод подтверждается и другими исследованиями. Например, Т. А. Winnick и М. Bodkin (Winnick & Bodkin, 2008) обнаружили, что белые заключенные склонны скрывать свой статус, в то время как афроамериканцы более открыты в этом вопросе, что может свидетельствовать о большей устойчивости к стигме.

Современный взгляд на стигматизацию, представленный I. Tyler в работе «Стигма: машина неравенства» (Tyler, 2020), анализирует более глубокие социальные процессы, рассматривая стигму не как побочный эффект, а как основной механизм социального управления и контроля. I. Tyler утверждает, что стигматизация может рассматриваться как целенаправленная стратегия власть имущих для маргинализации определенных групп – бедных, мигрантов, заключенных и т. д., и легитимации их неравного положения. В контексте заключения это особенно очевидно. Так, М. Alexander в своей книге «Новый Джим Кроу» (Alexander, 2010) показывает, как массовая инкарцерация в США (от англ. *'mass incarceration'* – термин, описывающий необычно высокий уровень заключения в конкретной стране по сравнению с историческими «нормами» или другими странами) стала системой легализованной расовой дискриминации, в которой стигма, накладываемая на бывших заключенных и поддерживаемая идеологическими системами и институтами общества, позволяет легально отказывать им в праве на голосование, в доступе к жилью, работе, здравоохранению, социальным льготам.

Современная теория ярлыков выделяет три основных криминогенных механизма, посредством которых ярлык влияет на способ человека быть и жить.

Первый механизм – трансформация идентичности и формирование девиантной самоидентичности. Этот процесс основан на концепции «отраженных оценок» (от англ. *'reflected appraisals'*), разработанной R. L. Matsueda (Matsueda, 1992), в логике которого человек формирует образ своего «Я» не в вакууме, а на основе того, как, по его мнению, его воспринимают другие. Когда человек постоянно подвергается негативным стереотипам, связанным с ярлыком «преступника» («он опасен», «он нечестен», «он неисправим»), он может интериоризировать эти взгляды. В результате его самоидентичность превращается в устойчивую девиантную идентичность, которая направляет его будущее поведение в соответствии с этой ролью.

Второй механизм – процессы социальной изоляции. Стигма создает значительные препятствия на пути к трудоустройству, жилью и восстановлению социальных связей, подрывает сами основы реинтеграции (Link & Phelan, 2001; Keene, Smoyer & Blankenship, 2018). При этом наблюдается двоякая реакция. С одной стороны, происходит отторжение со стороны «конвенциональных» других – родителей, знакомых, работодателей, общества в целом, которые, руководствуясь страхом, сомнением, подозрением, ограничивают доступ стигматизированного человека в свой личностный / профессиональный круг доверия. С другой стороны, сам стигматизированный человек может реагировать через «уход в себя» (от англ. *'withdrawal'*): из-за страха предвосхищаемого отвержения он сам начинает избегать социальных контактов

с «нормальным» обществом. Это сужает его социальные связи и возможности, создавая замкнутый круг изоляции (Pager, 2003; Kirk & Sampson, 2013).

Третий механизм – вовлечение в девиантные группы. Лишенный поддержки и возможностей в «конвенциональном» обществе, человек ищет принятия и одобрения в девиантных группах среди других стигматизированных лиц. Там его ярлык не является стигмой, наоборот, может быть знаком статуса или общности. Это вовлечение закрепляет девиантную идентичность и предоставляет социальную среду, в которой продолжение девиантного поведения становится нормой (Bernburg & Krohn, 2003).

В 2007 г. исследование Т. Chiricos и его единомышленников (Chiricos et al., 2007) представило одно из самых убедительных эмпирических подтверждений реального функционирования этих механизмов. Проанализировав судьбы 95 919 лиц, приговоренных к условному наказанию во Флориде с 2000 г. по 2002 г., они смогли изолировать чистый эффект самого ярлыка. Дело в том, что по закону штата судья может «удерживать от осуждения» (от англ. *'withhold adjudication'*) совершивших правонарушения лиц – признать их виновными, назначить наказание, но официально не присваивать статус «осужденного» (от англ. *'convict'*). Эта практика создает условия, приближенные к естественному эксперименту: фактически два человека, признанные виновными в совершении однотипного преступления, могут получить одинаковое условное наказание, но при этом один из них становится осужденным, а другой – нет. Для первого наступают все коллатеральные последствия: он теряет многие гражданские права и обязан указывать свою судимость в анкетах. Для второго эти последствия не наступают. Таким образом, исследователи смогли изолировать переменную «присвоение ярлыка» от переменных «виновность» и «наказание», что позволило им ответить на ключевой вопрос: влияет ли сам факт формального осуждения на вероятность рецидива независимо от совершенного преступления и назначенного наказания? Анализ данных выявил статистически значимый результат: официально зафиксированное осуждение на 17 % увеличивает вероятность рецидива, что определяет ярлык не просто как языковую формулировку, а как мощный социальный стимул, который препятствует реинтеграции и повышает риск повторного нарушения закона. Дополнительно проверив гипотезы о том, что влияние ярлыка может быть модерировано характеристиками личности, авторы пришли к следующим выводам: 1) эффект ярлыка проявляется сильнее для женщин, чем для мужчин: с позиций гендерной теории социальное клеймо, связанное с преступностью, тяжело переживается женщинами, поскольку нарушает строгие гендерные нормы «заботливой матери» и «добродетельной женщины»; 2) эффект ярлыка сильнее для белых, чем для афроамериканцев и латиноамериканцев: члены доминирующей группы (белые) имеют больше «ставок в конформизме» (от англ. *'stakes in conformity'*) конвенционального общества и, следовательно, больше теряют от его утраты; 3) эффект ярлыка сильнее для тех, кто достиг 30-летнего возраста без истории предыдущих судимостей: в подтверждение «первичной девиации» для человека, который до этого вел конформный образ жизни, официальное осуждение является потрясением, разрушающим его социальную идентичность, карьерные перспективы; в то же время для закоренелого преступника добавление еще одного ярлыка не приносит существенных изменений в его жизнь («эффект плато»), являясь лишь очередным эпизодом в его биографии.

Теоретические изыскания в области теории навешивания ярлыков и концепции стигматизации, а также эмпирические данные исследований судеб людей с пенитенциарным опытом однозначно подтверждают, что использование формального юридического, но стигматизирующего языка по отношению к бывшим заключенным представляет собой мощный инструмент социального контроля, который продолжает действовать надолго (если не навсегда) после отбытия наказания и даже после официального оправдания, влияя в предполагаемом

справедливом правосудии на эффективность социальной реинтеграции, которая представляет собой сегодня не столько проблему предоставления ресурсов, сколько проблему борьбы с предубеждением. Как следствие, гуманизация языка в его ориентации на человека может рассматриваться как одно из решений, способствующих действительной ресоциализации бывших осужденных.

Обсуждение

Традиционные термины «преступник», «осужденный», «бывший заключенный» и т. п. не являются нейтральными, они редуцируют сложную структуру человеческой личности до ее худшего поступка, превращая человека исключительно в «угрозу». В связи с этим особую значимость приобретает движение за гуманизацию юридического языка, предшественниками которого стали движения в смежных науках. Одними из первых, осознавших силу языка, стали представители психиатрического сообщества: в 1992 г. Американская психиатрическая ассоциация (англ. *'American Psychological Association, APA'*) официально заявила, что классификация психических расстройств должна относиться не к людям, а к самим расстройствам, которые есть у людей, в связи с чем следует избегать выражений типа «шизофреник» в пользу «человек с шизофренией»³. Еще более важным прецедентом стало движение ВИЧ / СПИД. В 1983 г. на конференции в Денвере были приняты так называемые Денверские принципы: «Мы осуждаем любые попытки назвать нас “жертвами” – термином, который предполагает поражение... Мы – “люди с ВИЧ” (от англ. *'People with AIDS'*)»⁴. Этот акт самоназвания стал мощным актом сопротивления в стигматизирующем дискурсе.

В сфере уголовного правосудия борьба за язык началась не в академических кругах, а в самих тюрьмах и тесно была переплетена с историей борьбы за права заключенных. Как отмечает А. Сох, заключенные во второй половине XX в., осознавая предельный дисбаланс между «надзирающими» и «надзираемыми», инициировали борьбу за признание своей человеческой сущности (Сох, 2020). Ярким подтверждением стали восстания в тюрьме Аттика в 1971 г.: «Мы – ЛЮДИ! Мы не звери и не намерены терпеть избиения и унижения» (Marable & Mullings, 2009, p. 467). Подобная практика языкового уничтожения со стороны властных структур имеет глубокие исторические корни и сопоставима с другими формами дегуманизирующей риторики, применявшейся для оправдания насилия и дискриминации: например, нацистская пропаганда использовала термин «мишлинг» (от нем. *'Mischling'* – «помесь», «нечистая порода»), позаимствовав его из ветеринарии, для обозначения лиц с частичным еврейским происхождением (Herbert, 2003, p. 102). И. Геббельс в своем дневнике писал: «Евреи – это паразиты, которые должны быть уничтожены, как блохи» (Kershaw, 2016, p. 298). Во время геноцида в Руанде в 1994 г. за 100 дней было убито более 800 000 человек. Представителей этнической группы тутси называли «иньези», что на языке киньяруанда означает «тараканы», которых «нужно вытаскивать из укрытий и давить ногами» (Des Forges, 1999, p. 15), что превращало убийство людей в банальную, даже гигиеническую задачу – борьбу с вредителями; и т. д. Хотя масштабы преступлений несопоставимы, логика идентична: лишить объект человеческого достоинства, сделать его «менее, чем человеком», чтобы облегчить и оправдать для себя его угнетение, изоляцию и отрицание его прав.

В эпоху радикального активизма 1960–1970-х гг. антистигматизирующая стратегия была несколько иной. Активисты, такие как Джордж Джексон из «Черных пантер», не просто отвергали

³ American Psychological Association, Committee on Disability Issues in Psychology. (1992). *Guidelines for non-handicapping language in APA journals*. https://extension.usu.edu/employee/files/self_assessment_tool/10C_Language.pdf

⁴ Advisory Committee of People with AIDS. (1983). *The Denver Principles*. https://data.unaids.org/pub/externaldocument/2007/gipa1983denverprinciples_en.pdf

дегуманизирующие ярлыки, но и переосмысливали их. Для них термин ‘convict’ («осужденный») был не стигмой, а политической идентичностью класса заключенных (от англ. ‘convict class’), который должен был сыграть ключевую роль в революционной борьбе. Это была стратегия сопротивления, направленная на то, чтобы превратить инструмент угнетения в знамя борьбы.

К концу XX в. стратегия сменилась в сторону гуманизации и применения человекоориентированного языка (от англ. ‘person-first language’). Эта трансформация была напрямую связана с опытом бывших заключенных, которые, выйдя из тюрем, столкнулись с *пожизненным* «несправедливым приговором» стигмы. Кульминацией этого процесса стало «Открытое письмо о вопросе языка», написанное в 2007 г. Е. Ellis, бывшим заключенным, проведшим в тюрьме 23 года, и основателем Центра NuLeadership по вопросам человеческого правосудия и исцеления и организации *All of Us or None*. Это письмо стало манифестом нового движения. Е. Ellis категорически отвергал стандартно применяемые термины в отношении человека с пенитенциарным опытом, называя их «лишенными человечности» и «превращающими людей в вещи». Его основной аргумент был поразительно прост, но психологически глубок: «Худшее в том, что, постоянно слыша ваше уничижительное определение меня, я начинаю верить в него сам»⁵. Идеи Е. Ellis о том, что справедливость начинается со слов, проложили путь к современным инициативам.

На основе накопленного активистского и теоретического опыта исследователи (Tran et al., 2018) сформулировали четыре ключевых принципа, которым должен следовать любой, кто работает с людьми, имеющими опыт заключения: 1) право человека на самоопределение (самый важный источник знаний о том, как называть человека – это он сам); 2) приоритет недискриминирующего языка (отказ от терминов, которые стигматизируют, унижают, дискриминируют); 3) признание достоинства и сложности цельной человеческой личности и отделения деяния от личности (описание человека через призму его человеческой сущности, а не через его правовой статус); 4) культивирование саморефлексии (осознанность в выборе слов, понимание, что язык – мощный инструмент создания и реализации образов и смыслов). Эти принципы нашли свое отражение в реальных политических инициативах на самых разных уровнях.

В 2016 г. Министерство юстиции США объявило решение отказаться от упрощенных (дегуманизирующих) терминов правового поля. Инициаторами были предложены следующие варианты человекоориентированной лексики (таблица).

Предлагаемые лексические замены не являются абстрактными рекомендациями; некоторые из них уже внедрены в практику официального документооборота. Например, на официальном сайте судов штата Юта в разделе разъяснений процедуры уголовных наказаний вместо «осужденный за совершение тяжкого преступления» (от англ. ‘convicted felon’) используется конструкция «лицо, признанное виновным в совершении преступления» (от англ. ‘person convicted of a crime’)⁶, что позволяет отделить правовой статус от идентичности человека. Департамент исправительных учреждений штата Вашингтон (от англ. ‘The Washington State Department of Corrections’, WADOC) в официальной документации использует термин «лицо, отбывающее наказание» (от англ. ‘incarcerated individual’) вместо стигматизирующего «заключенный» (от англ. ‘inmate’), что отражено в политике ведомства и на официальном сайте⁷. Кроме того,

⁵ Ellis, E. (2007). *An open letter to our friends on the question of language*. Center for NuLeadership on Urban Solutions. https://static1.squarespace.com/static/624def0f36d3686eb5ecc0f6/t/664981090c43a60377f756ef/1716093193147/Language+Letter+and+Overview_Center+NuLeadership_March+2023.pdf

⁶ Utah State Courts. *Need legal help? Criminal penalties*. Получено 3 февраля 2026 г., из <https://www.utcourts.gov/en/self-help/case-categories/criminal-justice/penalties.html>

⁷ Washington State Department of Corrections. *Definitions*. Получено 3 февраля 2026 г., из <https://doc.wa.gov/news/resources/definitions>

Таблица. Сравнительные примеры дегуманизирующих и гуманизирующих юридических терминов

Table. Comparative examples of dehumanising and humanising legal terms

Традиционные дегуманизирующие правовые термины	Гуманизирующие правовые термины
Преступник (от англ. 'Felon, Criminal, Offender')	Человек, совершивший преступление / Человек, обвиняемый / осужденный по уголовному делу (от англ. 'Person who committed a law breaking act; person involved in the criminal justice system')
Заклученный, арестант, зэк (от англ. 'Prisoner, Inmate, Convict')	Человек, находящийся в местах лишения свободы / Лицо, отбывающее наказание (от англ. 'Person who is incarcerated; person who experience incarceration; person in detention/jail/prison; person living in detention/jail/prison; person involved in, or experiencing the criminal justice system')
Бывший заключенный (от англ. 'Ex-con, Ex-offender')	Человек, вышедший из мест лишения свободы / Лицо, отбывшее наказание (от англ. 'Person who was in contact with, involved in, interacted with or experienced the criminal justice system; person with convictions; person who was formerly incarcerated')

Департамент ввел политику, обязывающую персонал обращаться к заключенным по именам, а не как к «правонарушителям»⁸.

Предлагаемый подход не является семантической игрой. Он отражает фундаментальную смену парадигмы: от восприятия человека как угрозы к восприятию его как члена общества, который столкнулся с трудностями, оступился и нуждается в поддержке для восстановления своей жизни. К. Mason, помощник генерального прокурора, глава управления Судебных программ Министерства Юстиции США (англ. 'U.S. Assistant Attorney General, head of the Office of Justice Programs, Department of Justice'), поясняя это решение следующим образом: «Все мы можем помочь им, отказавшись от бесполезных и уничижительных ярлыков, чтобы укрепить принципы индивидуального искупления и второго шанса, за которые ратует наше общество»⁹.

В 2019 г. Совет уполномоченных Сан-Франциско принял официальные руководящие принципы, призывающие все правовые структуры города использовать человекоориентированный язык в контексте уголовного правосудия¹⁰. Ведущие исследовательские центры, в частности Урбанистический институт (англ. 'Urban Institute'), опубликовали серию отчетов под названием «Люди прежде всего» (англ. 'People First'), призывая изменить язык, используемый

⁸ Lee, J. (2016, November 6). Washington state to stop calling prisoners 'offenders'. *Greenfield Recorder*. <https://www.recorder.com/2016/11/06/stop-calling-prisoners-offenders-5865694/>

⁹ Jackman, T. (2016, May 4). Guest Post: Justice Dept. agency to alter its terminology for released convicts, to ease reentry. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/news/true-crime/wp/2016/05/04/guest-post-justice-dept-to-alter-its-terminology-for-released-convicts-to-ease-reentry/>

¹⁰ Matier, P. (2019, August 11). SF Board of Supervisors sanitizes language of criminal justice system. *San Francisco Chronicle*. Получено 15 декабря 2025 г., из <https://www.sfchronicle.com/bayarea/philmatier/article/SF-Board-of-Supervisors-sanitizes-language-of-14292255.php>

в системе уголовного правосудия (La Vigne, 2016). Газета *The New York Times* в 2016 г. опубликовала редакционное заявление о том, что ярлыки вроде «фелон» (от англ. *'felon'* – преступник, совершивший тяжкое преступление») являются «несправедливым пожизненным приговором» и что редакция будет сознательно стремиться использовать более гуманную лексику¹¹. Аналогичные усилия были предприняты и в неправительственных организациях. Например, организация LINC, Inc.¹² прямо заявила в своих материалах, что они предоставляют программы и услуги «для лиц, вовлеченных в систему правосудия» (от англ. *'Justice-Involved Individuals'*), а не «для фелонов». Эта лексическая замена – не просто дань моде, а сознательная стратегия, направленная на повышение шансов на успешное трудоустройство, получение жилья и восстановление семейных связей, создание условий для построения стабильной и здоровой жизни, повышение уровня соблюдения законов, норм сообщества и условий надзора.

Указанные примеры демонстрируют действительную смену акцентов в отношении бывших заключенных. К эффективным кампаниям по снижению рецидивов была отнесена и инициатива *'Ban the box'* («Запретить галочку»). Принятая во многих штатах США, она запретила работодателям спрашивать о наличии уголовного прошлого на ранних этапах собеседования, чтобы кандидат мог заявить о своих навыках прежде, чем его оценят по стигматизирующему ярлыку. Результаты исследования М. Denver, J. T. Pickett, S. D. Bushway (Denver, Pickett, & Bushway, 2017) показывают, что подобные меры необходимы, поскольку сам процесс запроса информации об уголовном прошлом и его подтверждение соискателем работы неминуемо активируют отрицательное по отношению к нему предубеждение, что значительно снижает шансы трудоустройства с сопутствующим эффектом «социального изгоя», создавая мощный барьер для реинтеграции.

Задача описанных инициатив – не «очеловечивать» людей (они и так люди) (Cox, 2020), не выбрать, «чей стороны придерживаться» (Becker, 1963), а позволить человеку, уже искупившему свою вину перед обществом, вернуться к полноценной жизни без дополнительных лишений и страданий.

Движение за гуманизацию языка не остается без критики. Во-первых, некоторые исследователи (Hamari, 2011), опираясь на скептицизм в отношении лингвистического детерминизма (идеи о том, что язык напрямую определяет мышление), утверждают, что смена терминов без реальных структурных изменений является «пустым жестом», который не меняет реального отношения к людям. Во-вторых, дебаты разворачиваются вокруг противопоставления человекоориентированного (англ. *'Person-first'*) и идентичностного (от англ. *'Identity-first'*) подходов. Последние выступают за утверждение своей идентичности как нормальной и ценной, а не как того, от чего нужно дистанцироваться (аналогично радикалам 1960–1970-х гг.). Подобные дискуссии ведутся в группе «Пенитенциарная криминология» (англ. *'Convict Criminology group'*), состоящей из людей с опытом заключения, студентов и ученых, специализирующихся на криминологии, уголовном праве, политологии¹³. Ее члены выступают за возвращение термина *'convict'* («осужденный») как утверждения своей уникальной идентичности, сформированной опытом тюремной жизни. В-третьих, серьезная критика исходит от исследователей, таких как R. W. Gilmore (Gilmore, 2008) и J. Kilgore¹⁴. Они предупреждают об опасности гуманистических

¹¹ Editorial Board. (2016, May 8). Labels like 'felon' are an unfair life sentence. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2016/05/08/opinion/sunday/labels-like-felon-are-an-unfair-life-sentence.html>

¹² LINC, Inc. *LINC: Leading into new communities*. Получено 15 января 2026 г., из <https://lincnc.org/>

¹³ Richards, S. C., Faggian, D., Roffers, J., Hendricksen, R., & Krueger, J. (2008). Convict criminology: Voices from prison. *Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts*, 2(1), 121–136. <https://muse.jhu.edu/article/252438>

¹⁴ Kilgore, J. (2014, June 6). Repackaging mass incarceration. *CounterPunch*. <https://www.counterpunch.org/2014/06/06/repackaging-mass-incarceration/>

реформ, когда обновленная риторика и «правильный» язык используются для приукрашивания пенитенциарной системы, а не для ее фундаментальной трансформации. Постройка новых, внешне более гуманных тюрем или использование «персонализированного» языка в отчетах может создать иллюзию прогресса, в то время как репрессивная суть системы остается неизменной. В этом свете язык может стать инструментом легитимации злоупотреблений, а не их преодоления.

Ограничения исследования

Следует подчеркнуть, что анализируемый опыт гуманизации языка формировался в рамках американской правовой традиции, характеризующейся высокой степенью влияния активистских движений на законодательную практику и относительной гибкостью юридической терминологии. Прямой перенос этих практик в европейскую, включая российскую, правовые системы сопряжен с рядом ограничений. Во-первых, в романо-германской и отечественной правовых традициях термины «осужденный», «подсудимый» и т. п. являются строгими процессуальными категориями, закрепленными в кодексах; их замена может создать коллизии в юридической технике и затруднить однозначную квалификацию процессуального статуса лица. Во-вторых, исторически сформированный культурный контекст восприятия пенитенциарного опыта может определять степень эффективности принятия гуманистических идей. Например, в России стигма заключения носит более глубокий характер вследствие советского наследия, где «судимость» являлась пожизненным статусом. В-третьих, необходимо учитывать потенциальные негативные эффекты тотального внедрения человекоориентированного языка, поскольку излишняя эвфемизация может затушевать степень тяжести противоправных деяний и подорвать доверие к системе правосудия со стороны жертв преступлений. В связи с этим представляется, что переход к гуманизирующему пенитенциарному дискурсу должен осуществляться поэтапно, с параллельной работой над изменением институциональных практик и общественных установок, а не ограничиваться формальной заменой терминов.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд ключевых выводов: 1) инициатива гуманизации языка имеет прочные научно обоснованные основания, определенные положениями теории навешивания ярлыков и концепцией стигматизации, эволюционировавших в признанную научную парадигму, подкрепленную статистически значимыми эмпирическими данными; 2) эффект стигмы не является универсальным, его влияние на человека с пенитенциарным опытом зависит от социального контекста, расовой принадлежности, пола, уровня «ставок в конформизме», что требует дифференцированного и персонализированного подхода к разработке и реализации реинтеграционных программ; 3) язык является не нейтральным инструментом дискурса, а мощным механизмом социального конструирования реальности, в том числе снижения уровня рецидива и повышения уровня эффективности ресоциализации людей после отбывания наказания в исправительных учреждениях.

Научный вклад настоящего исследования заключается в трех аспектах: 1) осуществлена системная интеграция разрозненных теоретических подходов (символического интеракционизма, теории навешивания ярлыков, концепции стигмы) в единую аналитическую модель, позволяющую проследить эволюцию от абстрактной «девиантной идентичности» к измеримым психологическим явлениям – «ожидаемой стигме» и интериоризации ярлыка; 2) впервые в русскоязычном академическом дискурсе проведена комплексная синтезация академических исследований, активистских манифестов, эмпирических данных, институциональных инициатив США в области гуманизации языка, что создает основу для постановки аналогичной

проблемы в российском контексте; 3) предложена критическая рефлексия относительно применимости опыта США, что позволяет избежать механического заимствования американской практики и способствует разработке контекстуально обоснованных решений.

На основании выводов тезисно обозначим возможные рекомендации.

Для государственных органов и законодательной власти – на уровне федерального и регионального законодательства следует рассмотреть возможность нормативного закрепления требования гуманизации языка в официальных документах, связанных с системой правосудия, пенитенциарной системой, программами по реабилитации. Возможны разработка и последующее внедрение определенного человекоориентированным подходом этического кодекса, поощряющего использование гуманизирующей правовой лексики в официальной переписке, публичных выступлениях и внутренней коммуникации. Обучение новым коммуникативным практикам, связанным с вопросами стигмы и гуманизирующего языка, должно стать частью профессиональной подготовки и переподготовки управленцев и сотрудников органов и организаций, осуществляющих в своей профессиональной деятельности работу с лицами с судимостью.

Для средств массовой информации и частного сектора – профессиональные ассоциации журналистов и редакции ведущих СМИ должны разработать и опубликовать этические руководства, запрещающие использование дегуманизирующих ярлыков при освещении тем, связанных с заключением. Неправительственные организации, работающие в сфере прав человека и реинтеграции, должны активно продвигать человекоориентированный подход в своих материалах, отчетах и публичных кампаниях.

Для научного сообщества – академические журналы в области криминологии, социологии, психологии и здравоохранения должны включить в «Инструкции для авторов» обязательные требования по использованию персонализированного, гуманизирующего языка. Рецензентам можно предложить активно выявлять и предлагать замену стигматизирующим терминам в рецензируемых статьях. Научные конференции должны включать в свои этические кодексы аналогичные нормы.

Гуманизация языка – это не риторический жест, а необходимое условие для построения справедливого и эффективного правосудия, которое не только изолирует, но и возвращает человека в общество; не только наказывает, но и уважает человеческое достоинство и создает реальные условия для второго шанса; не только опустошает и «отнимает дыхание»¹⁵, но и восстанавливает полноценную жизнь на основе прощения и признания «сложносочиненности» человеческой личности.

Список литературы

- Alexander, M. (2010). *The new Jim Crow: Mass incarceration in the age of colorblindness*. New Press.
- Ariès, P. (1991). *The hour of our death*. Oxford University Press.
- Bauman, R. A. (1996). *Crime and punishment in ancient Rome*. Routledge.
- Beattie, J. M. (1986). *Crime and the courts in England 1660–1800*. Princeton University Press.
- Becker, H. S. (1963). *Outsiders: Studies in the sociology of deviance*. Free Press.
- Bernburg, J. G., & Krohn, M. D. (2003). Labeling, life chances, and adult crime: The direct and indirect effects of official intervention in adolescence on crime in early adulthood. *Criminology*, 41(4), 1287–1318. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2003.tb01020.x>

¹⁵ Betts, R. D. (2020, August 7). *Confessions* [Blog post]. Daily Nutmeg. <https://dailynutmeg.com/blogs/blog/reginald-dwayne-betts-summer-reading-month-excerpt-felon-confessions>

- Bos, A. E. R., Pryor, J. B., Reeder, G. D., & Stutterheim, S. E. (2013). Stigma: Advances in theory and research. *Basic and Applied Social Psychology*, 35, 1–9. <https://doi.org/10.1080/01973533.2012.746147>
- Chiricos, T., Barrick, K., Bales, W., & Bontrager, S. (2007). The labeling of convicted felons and its consequences for recidivism. *Criminology*, 45(3), 547–581. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2007.00089.x>
- Clow, K. A., Ricciardelli, R., & Cain, T. L. (2012). Stigma-by-association: Prejudicial effects of the prison experience for offenders and exonerees. In D. W. Russell & C. A. Russell (Eds.), *The psychology of prejudice: Interdisciplinary perspectives on contemporary issues* (pp. 127–154). Nova Science Publishers.
- Corrigan, P. W., Larson, J. E., & Rüsch, N. (2009). Self-stigma and the "Why try" effect: Impact on life goals and evidence-based practices. *World Psychiatry*, 8(2), 75–81. <https://doi.org/10.1002/j.2051-5545.2009.tb00218.x>
- Cox, A. (2020). The language of incarceration. *Incarceration*, 1(1), 1–13. <https://doi.org/10.1177/2632666320940859>
- Denver, M., Pickett, J. T., & Bushway, S. D. (2017). The language of stigmatization and the mark of violence: Experimental evidence on the social construction and use of criminal record stigma. *Criminology*, 55(3), 664–690. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12145>
- Des Forges, A. (1999). *"Leave none to tell the story": Genocide in Rwanda*. Human Rights Watch.
- Gilmore, R. W. (2008). Forgotten places and the seeds of grassroots planning. In C. R. Hale (Ed.), *Engaging contradictions: Theory, politics, and methods of activist scholarship* (pp. 31–61). University of California Press. <https://cultivatingalternatives.com/2012/10/24/forgotten-place-and-the-seeds-of-grassroots-planning-ruth-wilson-gilmore/>
- Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Prentice-Hall.
- Haas, A. A. (2019). *The artistic evolution of Japanese tattoo culture*.
- Hamari, H. (2011). Political correctness, euphemism, and language change: The case of 'people first'. *Journal of Pragmatics*, 43(3), 828–840. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.09.016>
- Hawthorne, N. (1878). *The scarlet letter*. James R. Osgood and Company. <https://archive.org/details/scarletletter00hawt/page/n9/mode/2up>
- Herbert, U. (2003). *National Socialist extermination policies: Contemporary German perspectives and controversies* (Vol. 2). Berghahn Books.
- Hirschfield, P. J., & Piquero, A. R. (2010). Normalization and legitimation: Modeling stigmatizing attitudes toward ex-offenders. *Criminology*, 48(1), 27–55. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2010.00179.x>
- Jensen, G.F. (2006). Labeling and identity. *Criminology*, 18(1), 121–129.
- Keene, D. E., Smoyer, A. B., & Blankenship, K. M. (2018). Stigma, housing and identity after prison. *The Sociological Review*, 66(4), 799–815. <https://doi.org/10.1177/0038026118777447>
- Kershaw, I. (2016). *Hitler: 1889-1936: Hubris*. W. W. Norton & Company.
- Kirk, D. S., & Sampson, R. J. (2013). Juvenile arrest and collateral educational damage in the transition to adulthood. *Sociology of Education*, 86(1), 36–62. <https://doi.org/10.1177/0038040712448862>
- La Vigne, N. (2016, April 4). *People first: Changing the way we talk about those touched by the criminal justice system*. Urban Institute. <https://justiceroundtable.org/news-item/people-first-changing-the-way-we-talk-about-those-touched-by-the-criminal-justice-system/>
- LeBel, T. P. (2012). Invisible Stripes? Formerly Incarcerated Persons' Perceptions of Stigma. *Deviant Behavior*, 33(2), 89–107. <https://doi.org/10.1080/01639625.2010.538365>
- Lemert, E. (1951). *Social pathology: A systematic approach to the theory of sociopathic behavior*. McGraw Hill.

- Link, B. G., & Phelan, J. C. (2001). Conceptualizing stigma. *Annual Review of Sociology*, 27, 363–385. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>
- Marable, M., & Mullings, L. (2009). *Let nobody turn us around: Voices of resistance, reform and renewal: An African American anthology*. Rowman & Littlefield.
- Matsueda, R. L. (1992). Reflected appraisal, parental labeling, and delinquency: Specifying a symbolic interactionist theory. *American Journal of Sociology*, 97(6), 1577–1611. <https://doi.org/10.1086/229940>
- McGuire, W. J. (1961). Resistance to persuasion conferred by active and passive prior refutation of same and alternative counterarguments. *Journal of Abnormal Psychology*, 63(2), 326–332. <https://doi.org/10.1037/h0048344>
- Mead, G. H. (1913). The social self. *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 10(14), 374–380. <https://doi.org/10.2307/2012910>
- Moore, K. E., Stuewig, J. B., & Tangney, J. P. (2016). The effect of stigma on criminal offenders' functioning: A longitudinal mediational model. *Deviant Behavior*, 37(2), 196–218. <https://doi.org/10.1080/01639625.2014.1004035>
- Nemeroff, C., & Rozin, P. (2000). The makings of the magical mind: The nature and function of sympathetic magical thinking. In K. S. Rosengren, C. N. Johnson, & P. L. Harris (Eds.), *Imagining the impossible: Magical, scientific, and religious thinking in children* (pp. 1–34). Cambridge University Press.
- Nemeroff, C. J., & Rozin, P. (1994). The contagion concept in adult thinking in the United States: Transmission of germs and of interpersonal influence. *Ethos*, 22(2), 158–186. <https://doi.org/10.1525/eth.1994.22.2.02a00020>
- Pager, D. (2003). The mark of a criminal record. *American Journal of Sociology*, 108(5), 937–975. <https://doi.org/10.1086/374403>
- Paternoster, R., & Iovanni, L. (1989). The Labeling perspective and delinquency: An elaboration of the theory and an assessment of the evidence. *Justice Quarterly*, 6(3), 359–394. <https://doi.org/10.1080/07418828900090261>
- Radelet, M. (2017). *The history of the death penalty in Colorado*. University Press of Colorado.
- Tannenbaum, F. (1951). *Crime and the community*. Columbia University Press.
- Tittle, C. R. (1975). Deterrents or Labeling? *Social Forces*, 53(3), 399–410. <https://doi.org/10.2307/2576582>
- Tran, N. T., Baggio, S., Dawson, A., et al. (2018). Words matter: A call for humanizing and respectful language to describe people who experience incarceration. *BMC International Health and Human Rights*, 18, Article 41. <https://doi.org/10.1186/s12914-018-0180-4>
- Tyler, I. (2020). *Stigma: The machinery of inequality*. CPI Group.
- Westervelt, S. D., & Cook, K. J. (2008). Coping with innocence after death row. *Contexts*, 7(4), 32–37. <https://doi.org/10.1525/ctx.2008.7.4.32>
- Winnick, T. A., & Bodkin, M. (2008). Anticipated stigma and stigma management among those to be labeled “Ex-con.” *Deviant Behavior*, 29(4), 295–333. <https://doi.org/10.1080/01639620701588081>

References

- Alexander, M. (2010). *The new Jim Crow: Mass incarceration in the age of colorblindness*. New Press.
- Ariès, P. (1991). *The hour of our death*. Oxford University Press.
- Bauman, R. A. (1996). *Crime and punishment in ancient Rome*. Routledge.
- Beattie, J. M. (1986). *Crime and the courts in England 1660–1800*. Princeton University Press.
- Becker, H. S. (1963). *Outsiders: Studies in the sociology of deviance*. Free Press.
- Bernburg, J. G., & Krohn, M. D. (2003). Labeling, life chances, and adult crime: The direct and indirect

- effects of official intervention in adolescence on crime in early adulthood. *Criminology*, 41(4), 1287–1318. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2003.tb01020.x>
- Bos, A. E. R., Pryor, J. B., Reeder, G. D., & Stutterheim, S. E. (2013). Stigma: Advances in theory and research. *Basic and Applied Social Psychology*, 35, 1–9. <https://doi.org/10.1080/01973533.2012.746147>
- Chiricos, T., Barrick, K., Bales, W., & Bontrager, S. (2007). The labeling of convicted felons and its consequences for recidivism. *Criminology*, 45(3), 547–581. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2007.00089.x>
- Clow, K. A., Ricciardelli, R., & Cain, T. L. (2012). Stigma-by-association: Prejudicial effects of the prison experience for offenders and exonerees. In D. W. Russell & C. A. Russell (Eds.), *The psychology of prejudice: Interdisciplinary perspectives on contemporary issues* (pp. 127–154). Nova Science Publishers.
- Corrigan, P. W., Larson, J. E., & Rüsçh, N. (2009). Self-stigma and the "Why try" effect: Impact on life goals and evidence-based practices. *World Psychiatry*, 8(2), 75–81. <https://doi.org/10.1002/j.2051-5545.2009.tb00218.x>
- Cox, A. (2020). The language of incarceration. *Incarceration*, 1(1), 1–13. <https://doi.org/10.1177/2632666320940859>
- Denver, M., Pickett, J. T., & Bushway, S. D. (2017). The language of stigmatization and the mark of violence: Experimental evidence on the social construction and use of criminal record stigma. *Criminology*, 55(3), 664–690. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12145>
- Des Forges, A. (1999). *"Leave none to tell the story": Genocide in Rwanda*. Human Rights Watch.
- Gilmore, R. W. (2008). Forgotten places and the seeds of grassroots planning. In C. R. Hale (Ed.), *Engaging contradictions: Theory, politics, and methods of activist scholarship* (pp. 31–61). University of California Press. <https://cultivatingalternatives.com/2012/10/24/forgotten-place-and-the-seeds-of-grassroots-planning-ruth-wilson-gilmore/>
- Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Prentice-Hall.
- Haas, A. A. (2019). *The artistic evolution of Japanese tattoo culture*.
- Hamari, H. (2011). Political correctness, euphemism, and language change: The case of 'people first'. *Journal of Pragmatics*, 43(3), 828–840. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.09.016>
- Hawthorne, N. (1878). *The scarlet letter*. James R. Osgood and Company. <https://archive.org/details/scarletletter00hawt/page/n9/mode/2up>
- Herbert, U. (2003). *National Socialist extermination policies: Contemporary German perspectives and controversies* (Vol. 2). Berghahn Books.
- Hirschfield, P. J., & Piquero, A. R. (2010). Normalization and legitimation: Modeling stigmatizing attitudes toward ex-offenders. *Criminology*, 48(1), 27–55. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2010.00179.x>
- Jensen, G.F. (2006). Labeling and identity. *Criminology*, 18(1), 121–129.
- Keene, D. E., Smoyer, A. B., & Blankenship, K. M. (2018). Stigma, housing and identity after prison. *The Sociological Review*, 66(4), 799–815. <https://doi.org/10.1177/0038026118777447>
- Kershaw, I. (2016). *Hitler: 1889-1936: Hubris*. W. W. Norton & Company.
- Kirk, D. S., & Sampson, R. J. (2013). Juvenile arrest and collateral educational damage in the transition to adulthood. *Sociology of Education*, 86(1), 36–62. <https://doi.org/10.1177/0038040712448862>
- La Vigne, N. (2016, April 4). *People first: Changing the way we talk about those touched by the criminal justice system*. Urban Institute. <https://justiceroundtable.org/news-item/people-first-changing-the-way-we-talk-about-those-touched-by-the-criminal-justice-system/>
- LeBel, T. P. (2012). Invisible Stripes? Formerly Incarcerated Persons' Perceptions of Stigma. *Deviant Behavior*, 33(2), 89–107. <https://doi.org/10.1080/01639625.2010.538365>

- Lemert, E. (1951). *Social pathology: A systematic approach to the theory of sociopathic behavior*. McGraw Hill.
- Link, B. G., & Phelan, J. C. (2001). Conceptualizing stigma. *Annual Review of Sociology*, 27, 363–385. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>
- Marable, M., & Mullings, L. (2009). *Let nobody turn us around: Voices of resistance, reform and renewal: An African American anthology*. Rowman & Littlefield.
- Matsueda, R. L. (1992). Reflected appraisal, parental labeling, and delinquency: Specifying a symbolic interactionist theory. *American Journal of Sociology*, 97(6), 1577–1611. <https://doi.org/10.1086/229940>
- McGuire, W. J. (1961). Resistance to persuasion conferred by active and passive prior refutation of same and alternative counterarguments. *Journal of Abnormal Psychology*, 63(2), 326–332. <https://doi.org/10.1037/h0048344>
- Mead, G. H. (1913). The social self. *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 10(14), 374–380. <https://doi.org/10.2307/2012910>
- Moore, K. E., Stuewig, J. B., & Tangney, J. P. (2016). The effect of stigma on criminal offenders' functioning: A longitudinal mediational model. *Deviant Behavior*, 37(2), 196–218. <https://doi.org/10.1080/01639625.2014.1004035>
- Nemeroff, C., & Rozin, P. (2000). The makings of the magical mind: The nature and function of sympathetic magical thinking. In K. S. Rosengren, C. N. Johnson, & P. L. Harris (Eds.), *Imagining the impossible: Magical, scientific, and religious thinking in children* (pp. 1–34). Cambridge University Press.
- Nemeroff, C. J., & Rozin, P. (1994). The contagion concept in adult thinking in the United States: Transmission of germs and of interpersonal influence. *Ethos*, 22(2), 158–186. <https://doi.org/10.1525/eth.1994.22.2.02a00020>
- Pager, D. (2003). The mark of a criminal record. *American Journal of Sociology*, 108(5), 937–975. <https://doi.org/10.1086/374403>
- Paternoster, R., & Iovanni, L. (1989). The Labeling perspective and delinquency: An elaboration of the theory and an assessment of the evidence. *Justice Quarterly*, 6(3), 359–394. <https://doi.org/10.1080/07418828900090261>
- Radelet, M. (2017). *The history of the death penalty in Colorado*. University Press of Colorado.
- Tannenbaum, F. (1951). *Crime and the community*. Columbia University Press.
- Tittle, C. R. (1975). Deterrents or Labeling? *Social Forces*, 53(3), 399–410. <https://doi.org/10.2307/2576582>
- Tran, N. T., Baggio, S., Dawson, A., et al. (2018). Words matter: A call for humanizing and respectful language to describe people who experience incarceration. *BMC International Health and Human Rights*, 18, Article 41. <https://doi.org/10.1186/s12914-018-0180-4>
- Tyler, I. (2020). *Stigma: The machinery of inequality*. CPI Group.
- Westervelt, S. D., & Cook, K. J. (2008). Coping with innocence after death row. *Contexts*, 7(4), 32–37. <https://doi.org/10.1525/ctx.2008.7.4.32>
- Winnick, T. A., & Bodkin, M. (2008). Anticipated stigma and stigma management among those to be labeled “Ex-con.” *Deviant Behavior*, 29(4), 295–333. <https://doi.org/10.1080/01639620701588081>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Хисматулина – доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия), кандидат педагогических наук.

About the author

Natalya V. Khismatulina – Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Saint Petersburg, Russia), Cand. Sci. (Pedag.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 20.01.2026

Одобрена после рецензирования 07.02.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted January 20, 2026

Approved after reviewing February 07, 2026

Accepted April 28, 2026